

Из портретного наследия Б. Григорьева: образ Е. К. Брешко-Брешковской

Осенью 1930 г. на Елисейских полях в Париже открылся Осенний салон. На нем были представлены 2534 работы художников всевозможных направлений из разных стран. Одно из произведений привлекало особое внимание посетителей: перед ним, начиная с вернисажа и на протяжении всего времени работы Салона стояли огромные толпы. Работа носила название, заставлявшее задуматься о человеке во времени, о воздействии на него духов эпохи - «Лики мира» (1920-1931). Монументальная композиция размером 2,5 x 5 метров была выполнена на семи деревянных створках в виде складня и напоминала памятники средневекового сакрального искусства. Ее автором был художник, родившийся в Москве (1886),¹ получивший образование в Строгановском художественно-промышленном училище, а затем в Высшем художественном училище при Санкт-Петербургской Академии художеств, с 1919 г. живший в эмиграции (в основном во Франции), много выставившийся на групповых всемирных выставках, выставках русских художников и персональных - Борис Григорьев (1886-1939). Он получил широкую известность уже в 1918 г. после экспонирования на выставке «Мир искусства» живописно-графического цикла «Расея» (9 живописных полотен и 60 графических листов) и выхода в свет одноименной книги.

В цикле «Расея», в полном согласии с русской философской мыслью начала XX в., художник видит причины происходящих в России катаклизмов в национальном характере. Однофигурные живописные полотна представляют образы детей русской земли - крестьян всех возрастных категорий. Центральное полотно «Крестьянская земля» синтезирует размышления о времени разбушевавшихся стихий - времени опрокинутых икон. Лицо живущего в эту эпоху человека, в котором проявляется божественный Лик или проступают черты бесовской личности, -

Антипова Римма Никандровна – старший научный сотрудник Псковского музея-заповедника

Е. К. Брешково-Брешковская.

смысл творчества Бориса Григорьева, создателя целой галереи портретов современников. Тема Ликов легла и в основу композиции, выставленной на Осеннем салоне.²

При работе над композицией художник использовал фотографии с портретов, находившихся в это время в различных местах земного шара - в музеях и частных собраниях. Работал он с полной самоотдачей. «Честность творческая», «точность математическая» и ощущение непосильной тяжести своего дара, позволяющего ему проникать вглубь окружающих явлений - постоянные слагаемые его труда.

В переписке Б.Григорьева³ находим массу упоминаний о процессе создания произведения. Местом действия⁴ он называет Европу, изображаемое - «что-то вроде митинга». Этим определяется скученность персонажей, разнообразие их положений, поз, жестов, взглядов. Главные фигуры переднего плана - бретонцы, прообразом которых служат портретные изображения из знаменитого Бретонского цикла, написанного в 1920-х гг. Критика находила в

образах бретонцев Григорьева «тишину и высшее знание» - веру.

Срединное место в композиции занимают «властелины масс» - политики:⁵ в одежде кавказского горца (в первоначальном замысле Сталин) и король индустрии развлечений в Америке - Моррис Гест, образующие композиционное двуединство. Два лика, сохраняющие яркую портретную индивидуализацию, - английский епископ Воордсворт, сторонник нетрадиционной «свободной религии», и русский православный архиепископ Платон, отторгнутый современным ему отечественным православием, объединены в группу с бретонскими музыкантами-волынщиками.

Однако «ключевым» в композиции является подчеркнуто выделенный масштабно, а также положением соседних фигур, лик Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской (1844-1934).

Известная современникам «бабушка русской революции» начала свою деятельность с «хождения в народ» (1873 г.), затем стала одним из организаторов и лидеров партии эсеров. Из 90 лет жизни она 25 лет провела в тюрьмах и на каторге в Сибири (1874-1896, 1907-1917 гг.), три года - в одиночке Петропавловской крепости. Октябрьскую революцию она не приняла, в 1919 г. эмигрировала в США, а в 1924 г. переехала в Европу (Франция, Чехия) и умерла под Прагой в местечке Хвалы-Почернице. В некрологе, написанном А. Ф. Керенским, были подведены итоги ее жизни: «Без нее не может быть самой истории, духовно ущербной оказалась бы современная Россия. Ее биография - история революционного движения трех четвертей века».⁶

Создателю «Ликов мира», сделавшему образ Брешко-Брешковской заглавным в композиции, не могло не быть известно об огромной популярности в России личности Брешковской уже по тому приему, который был ей устроен в Москве и Петербурге после возвращения ее в 1917 г. из сибирской ссылки. Несомненно, он неоднократно встречался с нею, о чем свидетельствует написание ее портрета, входившего в экспозиционный ряд Парижского «Мира искусства» в июне 1921 г. Возможно, именно этот портрет из числа окружающих центральное полотно «Ликов России» (1920 г.) ныне находится в частном собрании в США. Близкий иконогра-

фически портрет под названием «Портрет матери» несколько лет назад был вывезен из России в частное собрание в Польшу.

Целым рядом колоритных подробностей, позволяющих понять истоки мировоззрения той, в которой художник Б.Григорьев обнаружил концентрацию духов эпохи, обладают строки ее воспоминаний, записанные с ее слов В.М.Зензиновым (1880-1959). Под названием «детские годы Е.К.Брешко-Брешковской» (подзаголовок «До рассказам бабушки»)⁷ они были опубликованы этим видным деятелем партии социалистов-революционеров в парижской эмигрантской газете «Последние новости» в 1935 г. Ниже приводятся отрывки из публикации В.М.Зензинова.

«Родилась я в селе Иваново Невельского уезда Витебской губернии 13 января 1844 года, в поместье, которое отец арендовал у наследников Михельсона, того генерала, что Пугачева преследовал, несколько раз наступал, а затем нарочно из своих рук выпускал, отбирал все награбленное. После смерти генерала двум сыновьям огромное состояние оставил, но дети наследство промотали и умерли в бедности.

Отец Константин Михайлович Вериго из Орловской губернии, видимо, сын поляка. Мать, Ольга Ивановна, чисто русского рода, рожденная Горемыкина, из Новгородской губернии, получила прекрасное образование, была способна к наукам и языкам, воспитывалась у француза «после 1812 г.». Их головы были полны учением энциклопедистов и это учение с жаром передавалось русской молодежи. Такой гувернер состоял при отце, был воспитан на Дидро и других. Был он человек изящный, изысканный, деликатный. Именем управлял по французским мануэлям, поэтому и разорил все - ничего не умел. Мужики на него, как на чудака смотрели, а окружающие помещики уважали и любили к нему в гости ездить. Моя мать кончила Смольный, пробыла в нем 9 лет. Смольный был создан Марией Федоровной, считался образцовым, все преподавание на французском языке, воспитывали очень деликатно, к мужикам не пускали, на коров смотреть не позволяли, как на слишком грубых животных.

Когда мать меня носила, она хотела, чтобы у нее родился сын. Был старший сын,

но это был вялый мальчик, а мать хотела, чтобы у нее герой родился. Родилась я, и сейчас же благим матом закричала, а сама красная, безобразная. Мать очень огорчилась. «Так я тебя тогда ненавидела!» - говорила она мне. Родилась крикливая, так всю жизнь до старости и прокричала... Из всех пятерых я была особенная - всем была недовольна, все мне не нравилось, все критиковала. До 5 лет была нервной, невоздержанной, бешеной, отказов не терпела. По малейшему поводу принималась кричать истоинным образом, отбивалась руками, ногами от всех, кто ко мне подходил. А если продолжали настаивать, падала на пол, плакала и билась до истощения сил. Отец улыбался, снисходительно относился к моим поступкам, узнавая в них свой собственный нрав. А мать качала головой: «Что из нее получится? И откуда она взялась такая особенная? Все дети как дети, а Катя точно вихрь, а не человек». Так «вихрем» меня в семье и звали. Теперь на старости лет сама сознаю, что родилась я вихрем и вихрем пронеслась через всю жизнь, не останавливаясь, не спадая, расширяя края воронки, по мере того как знакомилась с миром и замедляя ход по мере ослабления физических сил...

Себя помню с самых малых лет. Всегда куда-то стремилась и ничего не боялась. От самых малых лет мне было тесно в доме, в семье, хотя любила отца, мать, сестер и братьев, прислугу и всех, кого видела вблизи или издали, всем интересовалась, всем готова была все отдать, всех считала своими. Простор, свобода, быстрое движение, поиски чего-то из ряда вон, особенно живых существ, нуждающихся в спасении или в помощи - были всегда моими потребностями. И при всяком удобном случае я бросала няньку, все детское общество, игрушки и куклы - и спешила туда, где была одна со своими затеями...

За прудом, что посреди двора, стояла птичья изба, и слышно, как гуси гогочут, куры кудахчут. Туда нас не водят - «там вам не место» - говорит нянька. Но все стремлюсь туда, и вот уже на другом берегу пруда - гуси, утки, куры кругом. Вот и Татьяна-птичница, а за ее подол держится мальчонка еще меньше меня, двухлетний Михалка. Он в грязной рубашонке, пузо вытирает вперед, ножки грязные от возни в мокрой земле. Какой непорядок!

Я беру Михалку за руку и веду с собой, Татьяна одобрительно улыбается. Вот мы и в «комнатах». «Что это? Откуда? Катя вечно что-нибудь выдумает!». Но я не смущаюсь. Я знаю, что Михалке надо дать булки и сахара, рубашку переменить...

Всем я была революционерка с самых малых лет: сначала устраивала революцию против родителей, против семьи, против всех... Только с прислужкой не было у меня никогда столкновений, я инстинктом сознавала ее подчиненное положение и всегда жалела ее. Посещение деревни, близость к крестьянам открывали мне новый мир, полный таинственной прелести. Лучшими минутами были визиты с няней к солдатке Марье, имевшей огород перед хатой... В минуты глубоких огорчений я грозилась, что уйду жить в деревню и не вернусь домой.

Родилась я в селе Иваново, потом на несколько лет семья переехала в село Горяны Полоцкого уезда Витебской губернии, а затем в село Луговец Мглинского уезда Черниговской губернии, где я прожила до 27 лет...

Мать моя была религиозной женщиной. Читала нам Евангелие и жития. Последние особенно производили на меня впечатление. На какие только муки люди не шли, лишь бы отстоять свою веру, отказаться от зла и не делать дурного. Особенно поразила меня жизнь Варвары-мученицы, сознательно и твердо шедшей на пытку и казнь за свои христианские верования, мужественно претерпевшей все до конца, своими собственными руками откинувшей волосы, когда добровольно положила свою голову на камень для отсечения... Ее житие проникло до самого дна моей юной души, как стрела вонзилась в нее и осталась в ней на всю жизнь. У нас в семье был обычай читать три акафиста - Иисусу сладчайшему, Николаю-угоднику и Варваре-великомученице. Я особенно любила последний. Многое пришлось мне перенести в моей долгой жизни, но образ Варвары, само воспоминание о ней укрепляло мою волю, вносило успокоение в мою душу. Ее судьба, ее мучения были для меня примером на всю жизнь, уже тогда я была готова, как Варвара-великомученица, все претерпеть ради своих убеждений, в борьбе за справедливость, за равенство всех людей.

Уже в возрасте 5-6 лет, но сознательно, я занялась своим самовоспитанием... а усиленная работа над самоукрощением шла с 8 до 12 лет. Всем уступать, а себя во всем ограничивать сделалось моим принципом. И сделалась я к 12 годам такой тихой, спокойной, уступчивой, что мать сказала однажды: «Мне даже что-то страшно за Катю становится, такая она у нас кроткая, беспрекословная». И учиться я стала лучше, больше читать. Когда мне было 13 лет, мать мне сказала: «Я жду ребенка и, может быть, помру, если помру, дай мне слово, что не оставишь ребенка и его выходишь», из всех детей меня выбрала - это сильно на меня тогда подействовало.

Период кротости и беспрекословного послушания перешел в осознание своей индивидуальности, в признание права на жизнь по своим убеждениям. Постепенно проявляла решимость громко обсуждать интересующие меня вопросы, противоречить старшим, смело отстаивать свои собственные взгляды на жизнь. «Ты выпадаешь в крайности, говорила мне мать, - все должно соответствовать принятым порядкам и условиям». Я же настаивала на том, что не только можно, но и должно...».

Вся последующая жизнь Е.К.Брешко-Брешковской стала исповедованием самоотверженной, исполненной христианского милосердия, любви к ближнему. Знавшие ее на склоне лет говорили «о бесконечной гуманности, бескрайней любви к человеку, вере в него, женски-интуитивном подходе к человеку, стремлении увидеть самое лучшее, самое существенное, самое сокровенное, о мудрости и грустной снисходительности, эманация добра».⁸ Формой служения, продиктованной духами эпохи, послужило разрушительное, вплоть до террористического, действие, осуществившее гибельную подмену заветов христианского вероучения. Подобное соединение сил Христа и Антихриста, явленное в одном человеке, и позволило художнику-интуитивисту Борису Григорьеву сделать ее «заглавной» фигурой, выражающей время.

«Лики мира» были приобретены с персональной выставки художника в Праге (1932 г.) по протекции Президента Чехословакии - ученого и философа, поклонника русской культуры и в частности Ф.М.Достоевского, - Томаша Масарика (1850-1937) и ныне находятся в Пражской народной галерее.

Примечания

1. Антипова Р.Н. Борис Григорьев. Очерк жизни и творчества // ж.Псков №12-13/2000 г., №14/2001 г.
2. Антипова Р.Н. «Лики мира» в творческой жизни Б.Григорьева // Материалы III Григорьевских чтений. Псков. 2004. Сс. 89-101.
3. Там же.
4. Там же.
5. Антипова Р.Н. «Лики мира» в творческой жизни Б.Григорьева // Материалы III Григорьевских чтений. Псков. 2004.
6. Политические деятели России 1917 г. Биографический словарь. М., 1993. Сс. 40-42.
7. Зензинов В.М. Детские годы Е.К.Брешко-Брешковской / По рассказам бабушки // Последние новости. Париж. 1935. № 5056.
8. Даманский А. Некролог Е.К.Брешко-Брешковской // Последние новости. 1934. № 1154.